

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи¹⁾.

ГЛАВА II.

Митава.—Митавскій замокъ.—Ночной форсированный маршъ.—Первое впечатлѣніе страны.—Восемь пожаровъ.—Прибытіе къ мѣсту назначенія.—Слухи о повстанцахъ.

Митава (по-латышски Ielgawa), считая въ себѣ всего лишь 35 тыс. жителей, чистый и благоустроенный городъ. Какъ далеки отъ него въ этомъ отношеніи значительно бѣльшіе по населенію русскіе губернскіе города! Впечатлѣніе она оставляетъ преотрадное; забота о благоустройствѣ проглядываетъ на каждомъ шагу. Нѣмецкій элементъ здѣсь составляетъ половину всего населенія; латыши, русскіе, поляки—четверть; остальные—евреи. Такимъ образомъ нѣмцы и евреи преобладаютъ. Городъ стоитъ на р. Аа и при желѣзной дорогѣ, соединяющей его съ Ригою и Либавою. Изъ всѣхъ рѣкъ, а ихъ въ Курляндіи насчитывается до ста, кромѣ многочисленныхъ ручейковъ, судоходныхъ только три, изъ нихъ таковою ниже Митавы дѣлается и Аа. Рѣкъ и притоковъ съ такимъ названіемъ много въ Зап. Европѣ и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ; оно есть сокращеніе латинскаго aqua—вода.

Въ Митавѣ много растительности (прекрасный дворцовый паркъ и великолѣпный садъ Villa Medem, принадлежащій Латышскому литературному обществу); много хорошихъ и большихъ домовъ;

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

лучшимъ ея украшеніемъ служить дворецъ—одно изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Россіи, и мужская гимназія.

Въ 1226 г. гроссмейстеръ Конрадъ Медемъ построилъ на р. Аа, гдѣ въ нее вливается Дрикса, замокъ. Во времена орденскаго владычества въ немъ жилъ ландмаршалъ, второе лицо послѣ великаго магистра. Замокъ не разъ горѣлъ и снова возрождался. Много пережилъ онъ превратностей. Около него къ 1345 г. образовался большой поселокъ, послужившій началомъ городу. Такъ какъ замокъ и онъ расположились на низменной долинѣ, то это и послужило поводомъ для названія города—*Mitte in der Aue*. Когда орденъ палъ и Курляндія обратилась въ герцогство, Митава сдѣлалась резиденціей ея правителей. Эрнестъ Биронъ на мѣстѣ стараго, взорваннаго для этой цѣли, построилъ новый замокъ по плану, а вначалѣ и подъ руководствомъ — Растрелли въ стилѣ итальянскаго барокко. Это громадное зданіе, вмѣщающее въ себѣ болѣе 300 комнатъ. Постройка длилась очень долго. Въ царствованіе Елизаветы (1741 г.) она на время была приостановлена, а чудной работы двери и оконныя рамы Митавскаго дворца пошли (1743) на отдѣлку дома гр. Разумовскаго (Аничковъ дворецъ).

Въ построенномъ замкѣ Биронъ прожилъ всего лишь 20 дней, уже послѣ отреченія въ пользу сына (1769 г.).

Много видовъ видѣлъ замокъ, много историческихъ лицъ въ немъ перебивало. Три раза его занимали шведы. Были здѣсь Густавъ Адольфъ, Карлъ XII. Въ 1697 году Митава пышно встрѣчала русское посольство, въ составъ котораго входилъ и „волонтеръ Петръ Михайловъ“ (Петръ Великій). Черезъ два года Петръ Великій снова посѣтилъ Митаву, проѣхалъ Курляндію, въ Либавскомъ портѣ сѣлъ на корабль и уѣхалъ за море.

„Очаровала Петра Курляндія. Понялъ онъ, почему Польша и особенно Пруссія жадно смотрѣли на Прибалтійскій уголокъ. Омываемая моремъ на протяженіи болѣе трехсотъ верстъ, обладающая такими природными гаванями, какъ Либава и Виндава, орошаемая глубокой Двиной, покрытая вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, Курляндія естественно возбуждала въ Петрѣ В. политическій аппетитъ, который онъ стремился утолить то ссудою денегъ подъ залогъ герцогскихъ земель, то бракомъ племянницы съ герцогомъ Курляндскимъ, и умеръ, только бросивъ мысль о важномъ значеніи Курляндіи для прочности Россіи на Балтійскомъ морѣ“.

Екатерина II, понявшая мысль Петра и спустя сто лѣтъ ее осуществившая, во время своего болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ Прибалтійскомъ краѣ (1763 г.), на нѣсколько часовъ пріѣзжала изъ Риги въ Митаву къ „своему герцогу“. Не менѣе чѣмъ Петра

и ее очаровалъ цвѣтущей видъ страны—богатѣйшія мызы, величественныя замки. Бароны, пышно принимавшіе русскую Императрицу, умѣли показать только то, что было хорошаго въ ихъ странѣ.

Въ Митавскомъ замкѣ дважды жилъ и „графъ Прованскій“ (Людовикъ XVIII), терпѣливо выжидая, пока „союзники“ не посадили его на тронъ Франціи. Посѣтилъ замокъ Императоръ Александръ I.

Въ 1812 году маршалъ Макдональдъ имѣлъ въ немъ главную квартиру. Приходилось замку служить и лазаретомъ для пруссаковъ.

Послѣ всего этого здѣсь водворился на жительство рядъ русскихъ губернаторовъ. Послѣднее же время отсюда страной правилъ генераль-губернаторъ, выставивъ на устрашеніе мятежныхъ латышей предъ входомъ пушки. Давно уже замокъ не принималъ такого воинственнаго вида!

Повидимому, въ городѣ все было спокойно. Жизнь какъ будто шла своимъ обычнымъ порядкомъ—ни усиленныхъ нарядовъ полиціи, ни военныхъ патрулей. Было воскресенье, стояла чудная погода, на улицахъ много гуляющихъ, но все чинно, мирно. И по первому впечатлѣнію казалось, что тревога начальствомъ забита напрасно. Къ сожалѣнію, это только казалось! Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ скрывалось сильное броженіе, сдерживаемое только значительнымъ числомъ войскъ въ городѣ. Но были уже и бурныя демонстраціи, сопровождавшіяся убійствами и разгромами. Почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ шла общая забастовка. Многіе рабочіе уходили изъ города въ уѣздъ, подбивали батраковъ бросать работы въ имѣніяхъ и, соединивъ ихъ въ шайки, поджигали, грабили, а подчасъ, и убивали ненавистныхъ имъ нѣмцевъ-владѣльцевъ и членовъ полиціи (тоже нѣмцевъ).

Не успѣли прибывшіе на усмиреніе, что называется, осмотрѣться и устроиться, какъ часовъ въ 5 въ расположеніе эскадрона въ Паульснаде прискакалъ „вѣстовой“ съ приказаніемъ спѣшить на сборный пунктъ, чтобы, получивъ тамъ инструкціи, идти куда-то далеко. Пришлось выступить по тревогѣ, бросивъ даже кой-какое имущество. На сборномъ пунктѣ узнали, зачѣмъ и куда посылали. Отъ командира полусотни казаковъ, расположенной въ им. Гофцумберге, получено было донесеніе, что многочисленная партія повстанцевъ заняла окружающіе лѣса, ведетъ съ казаками неустанную перестрѣлку и что послѣднимъ, въ виду ихъ слабыхъ силъ и недостатка патроновъ, угрожаетъ серьезная опасность. Узнавъ объ этомъ еще наканунѣ вечеромъ (о чемъ говорилось на „совѣтѣ“), на-

чальство тогда еще выслало туда на подводахъ роту пѣхоты ¹⁾. Не получая болѣе никакихъ изъ Гофцумберге извѣстій и думая, что повстанцы отрѣзали сообщеніе съ Митавой, что рота въ свою очередь подверглась нападенію, допуская вообще всѣ ужасы, рѣшили послать на выручку казаковъ и пѣхоты прибывшіе наканунѣ два эскадрона.

На сборномъ пунктѣ насъ продержали часа два. Къ этому, впрочемъ, военные привыкли. Кто-то на досугѣ высчиталъ, что половина службы солдата проходитъ именно въ ожиданіи начальства, приказа и пр.

Наконецъ, послѣдовало распоряженіе спѣшить въ Гофцумберге. Сѣли на коней и начали спѣшить, наверстывая безцѣльно (можетъ быть, и была причина, кто ихъ тамъ знаетъ!) потраченное время въ ущербъ лошадямъ. Солнце давно уже сѣло. Начинало смеркаться. Съ отрядомъ слѣдовалъ бравый уѣздный начальникъ, отставной кавалеристъ, мѣстный уроженецъ, баронъ.

Шоссированная дорога, по которой шли, содержались въ образцовомъ порядкѣ. При частыхъ развѣздахъ по Курляндіи намъ послѣ пришлось убѣдиться, что эта часть ничего не оставляетъ желать лучшаго. Всѣ, даже незначительные, тракты превосходно-гладки, безъ выбоевъ; верхній ихъ слой—крупный гравій и утрамбованъ на рѣдкость. Мосты, а ихъ множество, вполне исправны. Эскадронный командиръ, памятуя россійскія дороги, въ трепетѣ за цѣлость своихъ лошадей, спросилъ, надежны ли мосты.

Уѣздный начальникъ снисходительно отвѣтилъ: „Не беспокойтесь, наши мосты не проваливаются“! Всѣ дороги въ Курляндіи по сторонамъ обведены глубокими дренажными канавами, а самое полотно значительно возвышено, поэтому въ дождливое время и грязи на нихъ не бываетъ. Да, дороги хороши. Но во что обходится это дорожное благополучіе населенію! По сторонамъ дорогъ вездѣ вкопаны столбики, на нихъ написаны имена и фамиліи тѣхъ латышей, которые должны содержать въ полной исправности назначенные имъ участки.

На ихъ обязанности по этой части лежатъ все—подвозъ песку, гравія, чистка канавъ и пр. Повинность эта тяжелая и всецѣло лежитъ на крестьянахъ. Помѣщики совершенно свободны отъ нея,

¹⁾ Въ виду выдѣленія изъ пѣхотныхъ полковъ на Дальній Востокъ чуть не половины состава людей, всѣ роты были далеко не въ комплектѣ, въ нихъ насчитывалось уже только около 60 человекъ; къ декабрю 1905 г., когда всѣхъ выслужившихъ срокъ постепенно уволили въ запасъ, роты свелись до 30—35 чел.

хотя-бы дороги и пролегали на много верстъ по ихъ владѣніямъ. Уставъ о дорожной повинности 1865 г. За его исполненіемъ строго слѣдить полиція и сами бароны. Обязанность—много легче латышской!

Но возвратимся къ разсказу.

Эскадроны быстро двигались впередъ. Это былъ форсированный маршъ съ мѣрами охраненія, какъ въ военное время. Говорили, что повстанцы стрѣляютъ изъ-за кустовъ, что они уже разгромили 32 волостныхъ правленія, сожгли нѣсколько мызь и пр. Поэтому осторожность не была излишня. Около стояли телефонные столбы съ висѣвшею какъ-то безпомощно и уныло порванною проволокою; мѣстами столбы были спилены и лежали въ канавѣ. Все это напоминало о дѣятельности повстанцевъ. Проѣхали около часа, не встрѣтивъ рѣшительно никого и ничего. За все время попалась одна корчма, старательно запертая. Только въ сторонѣ иногда кое-гдѣ что-то чернѣло, похожее на строенія. Казалось, что двигались въ пустынной, безлюдной странѣ. Это было наше первое впечатлѣніе края. Днемъ, конечно, все это выглядитъ иначе. Курляндія въ общемъ холмиста, въ серединѣ ея тянется низменность, извѣстная подъ именемъ „Митавской равнины“. Именно этой безлѣсной равниной и шли теперь эскадроны.

Ночь была восхитительная, тихая, теплая. Луна уже начинала выходить изъ-за темнаго горизонта, но слабые ея лучи не могли побороть сразу сгустившагося надъ землею мрака.

Въ противоположной сторонѣ, прямо по дорогѣ обрисовалась неясная полоска свѣта, какой-то далекій отблескъ чего-то; казалось, оттуда собирается выйти другая луна, чтобы помочь первой въ борьбѣ съ темнотою. Эта полоска быстро начала увеличиваться, шириться и принимать все болѣе красный оттѣнокъ. Въ короткое время небо озарилось заревомъ все увеличивавшагося далекаго пожара. Между тѣмъ луна поднималась все выше; звѣзды начали меркнуть, мракъ разсѣиваться, и скоро окрестности залились ея серебристыми лучами. Зарево поблѣднѣло, и пожаръ сталъ горѣть большимъ, но не такимъ уже яркимъ костромъ.

Смотря на все болѣе разгорающійся огонь, эскадроны понеслись быстрѣе впередъ, подстрекаемые желаніемъ скорѣе доѣхать туда, подать помощь. Воображеніе рисовало ужасы разгрома, насилій.

Но вотъ нѣсколько въ сторонѣ какъ-то сразу вспыхнулъ еще огонекъ, быстро обратившійся также въ громадный пожаръ. Ясно уже свѣтившая луна ослабляла впечатлѣніе. Наше напряженное вниманіе сосредоточено было на этихъ двухъ свѣтящихся впереди пожарахъ.

— Смотрите, третій пожаръ!—крикнулъ кто-то изъ насъ. А чрезъ нѣкоторое время снова:—Смотрите, четвертый!—и скоро широкимъ полукругомъ впереди одновременно сильнымъ блескомъ сверкало восемь пожаровъ.

А кругомъ полнѣйшая тишина—ни малѣйшаго звука; только ритмическій топотъ копытъ нарушалъ это гробовое молчаніе. Кавалерійское ухо, впрочемъ, не слышитъ этого топота—съ нимъ оно свыклось. Эти зловѣщіе восемь пожаровъ, ночь, тишина, вполне незнакомая мѣстность, сознаніе, что въ странѣ что-то вершится, ожиданіе засадъ, нападеній, дѣлало обстановку таинственной и грозной. Проѣхали еще нѣсколько верстъ, показавшихся намъ безконечными. Пожары все пылали, а тишина по-прежнему не нарушалась ничѣмъ.

Впереди послышался какой-то отдаленный, неясный вначалѣ шумъ. Всѣ насторожились, безъ команды перешли въ шагъ. Шумъ усиливался. Эскадроны остановились. Уѣздный начальникъ, взявъ съ собой взводъ, поѣхалъ на развѣдки. Чрезъ нѣсколько минутъ показался быстро катившійся по дорогѣ экипажъ. Замѣтивъ драгунъ, онъ юркнулъ въ сторону и во всю прыть началъ уходить. Его догнали, окружили. На бричкѣ сидѣли двѣ женщины, тряслись отъ страха и плакали... Оказалось, онѣ, крестьянки, гдѣ-то были на крестинахъ и теперь возвращались домой. Бабъ послѣ допроса отпустили. Пришлось разочароваться, приключенія воинственнаго не случилось! Когда воображеніе напряжено, оно рисуетъ Богъ вѣсть что! Ожидали засадъ, чуть не сраженія, по меньшей мѣрѣ поимки вооруженныхъ повстанцевъ, и вдругъ двѣ трепещущія бабы, такъ храбро плѣненныя уѣзднымъ начальникомъ.

Послѣ этого забавнаго эпизода тронулись дальше. Опять вниманіе устремилось на пожары. Одинъ изъ нихъ уже былъ не далеко, нѣкоторые замѣтно уменьшались. Подъѣзжали къ какому-то лѣсу, какъ-то сразу выдвинувшемуся предъ нами. Это было имѣніе Грингофъ и его огромный паркъ; его мы послѣ осматривали. Это рѣдкій по красотѣ паркъ, содержимый въ большомъ порядкѣ; его не болѣе, не менѣе, какъ сто десятинъ! Наконецъ, доѣхали и до самага пожарища. Нигдѣ не было видно ни души. Огромный сарай съ десятками тысячъ бывшаго въ немъ клевера догоралъ себѣ въ полномъ одиночествѣ.

Было 11 часовъ вечера. Остановились, слѣзли съ лошадей. Половина дороги была пройдена. Рѣшили сдѣлать привалъ и накормить людей ужиномъ. Безтолковый выходъ по тревогѣ не далъ возможности сдѣлать этого въ Митавѣ. Теперь выручили походныя кухни. Уѣздный начальникъ предложилъ зайти въ замокъ—„Дабуть—

закусить“. Но никакого замка не было видно. Мы свернули вправо и пошли по тѣнистой аллеѣ внизъ. Она скоро окончилась, и предъ нашими глазами предсталъ на полянѣ бѣлый, какъ молоко, большой замокъ, залитый свѣтомъ луны. Онъ отчетливо выдѣлялся на темномъ фонѣ раскинушагося сзади парка. Картина была великолѣпная, какая-то сказочная. Даже обычный видъ днемъ инымъ представляется при таинственномъ свѣтѣ царицы-ночи, когда скрадываются детали, когда перспектива обманчива. До полной иллюзіи рыцарскаго замка недоставало только старинныхъ башенъ да зубчатыхъ стѣнъ. Грингофъ и днемъ пріятно ласкаетъ глазъ своимъ красивымъ видомъ, хотя собственно архитектура его и не затѣйлива. Много намъ пришлось видѣть въ Курляндіи „замковъ“, но такой симпатичный — рѣдко. Пришлось послѣ осматривать его внутри. Прекрасная обстановка, драгоценныя вещи и на всемъ отпечатокъ вкуса и заботливой женской руки; большая бібліотека и рѣдкое собраніе старинныхъ бібліѣ.

Невольно мы, утомленные монотонностью дороги, пріостановились, чтобы полюбоваться красивой картиной. Впечатлѣніе портилъ, по крайней мѣрѣ у пишущаго эти строки, пѣхотный солдатъ, укулюже какъ-то торчавшій у подъязда съ винтовкой на плечѣ (въ Грингофѣ на время безпорядковъ расположена была рота). Этотъ часовой разсѣивалъ настроенное воображеніе и возвращалъ къ реальной дѣйствительности. Онъ напоминалъ, что творилось въ краѣ, что, можетъ быть, и этому чудному уголку, подобно другимъ, суждено скоро обратиться въ груды мусора съ отвратительно торчавшими почернѣвшими трубами. Спустя два мѣсяца много пришлось видѣть такихъ печальныхъ видовъ.

Вошли въ домъ. Въ громадномъ вестибюлѣ съ красивымъ сводчатымъ потолкомъ стоялъ посрединѣ столъ, уставленный закусками и бутылками. За столомъ сидѣлъ немолодой уже пѣхотный капитанъ, командиръ роты, въ полномъ вооруженіи, какъ бы готовый въ бой съ кѣмъ-то. Подъ стѣною, тѣсною группою, буквально прижимаясь другъ къ другу, сидѣло съ испуганными лицами нѣсколько дамъ. Было также трое мужчинъ, разстроенныхъ и измученныхъ бессонными ночами. Прислуга разошлась; кто ушелъ, сочувствуя возстанію, въ банды, кого туда же погналъ терроръ. Весь многочисленный обыкновенно штатъ служащихъ въ имѣніяхъ состоитъ исключительно изъ латышей. Хорошая половина бароновъ и баронессъ вскормлены латышскою же грудью... Всѣ нѣмцы говорятъ свободно по-латышски, тогда какъ очень немногіе латыши — по-нѣмецки. Последнее время и знающіе этотъ языкъ какъ-то сразу забыли его...

Въ Грингофѣ было сожжено уже нѣсколько сараевъ чуть ли не на глазахъ пѣхотныхъ патрулей. Понятна паника оставшихся въ замкѣ людей. Имъ казалось, что слабая рота не можетъ обезпечить даже ихъ личной безопасности. Управляющій, встрѣтившій эскадроны, какъ избавителей, и опечаленный извѣстіемъ, что чрезъ полчаса они уйдутъ дальше, умолялъ эскадроннаго командира оставить ему „хотя шесть драгунъ“. — „Но у васъ же цѣлая рота!“ — „Что эта пѣхота!“ и управляющій безнадежно махнулъ рукою; отказъ исполнить просьбу его сильно огорчилъ.

Порядочно проголодавшись, мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе выпить знаменитой померанцевой и закусить чудной ветчиной. Курляндія, по справедливости, славится умѣніемъ готовить послѣднюю, а ея сладкія водки извѣстны на всю Россію. Заводы Гроссъ-Эккаускій и Штокмансгофскій отличаются на этомъ поприщѣ. Но въ баронскихъ имѣніяхъ умудряются домашнимъ путемъ дѣлать ихъ еще лучше. Утолили голодъ, стали собираться въ дорогу, хотя, признаться, не хотѣлось уходить даже изъ вестибюля... „Надо подождать—люди не успѣли еще поужинать“, сказалъ командиръ эскадрона. Одна изъ дамъ спросила, какъ же они теперь ужинаютъ.—„Ужинаютъ и горячимъ“. Узнавъ изъ дальнѣйшихъ объясненій, что мы возимъ за собою такія кухни, которыя, несмотря на быстроту движенія, не отстаютъ и преисправно готовятъ пищу, какъ на мѣстѣ, дамы очень заинтересовались и, забывъ свои страхи, просили показать имъ эти диковинныя кухни на колесахъ. Осматривать ихъ онѣ шли подъ охраною офицеровъ, назадъ же, по нашемъ уходѣ, пришлось возвращаться только со своими мужьями. Что это было—женское любопытство или нѣмецкая хозяйственная жилка, погнавшая ихъ ночью довольно далеко отъ замка?!

Остальная часть дороги представлялась болѣе опасной. Недалеко отъ Грингофа лежитъ не особенно большой, но довольно густой лѣсъ. Въ немъ часто шатались повстанцы, стрѣляли по казачьимъ разъѣздамъ, въ судебнаго слѣдователя, но стрѣляли плохо. Не доѣзжая 3-хъ верстъ до Гофцумберге, начинается болѣе значительный уже лѣсъ. Уѣздный начальникъ поднялъ вопросъ,—идти прямо или обойти опасныя мѣста, что значительно удлиняло бы путь. Рѣшили идти кратчайшею дорогою.

И эскадроны, не пославъ даже предварительно обрекогносцировать лѣсъ, какъ того требуетъ уставъ, длинною кишкою вытянулись въ дефиле. Если бы повстанцы вздумали устроить засаду, то, оставаясь безнаказанными, могли бы поставить отрядъ въ непріятное положеніе. Густой, незнакомый лѣсъ, узкая дорога и при всемъ томъ ночь. Но латыши, если они и шатались въ лѣсу, на

этотъ разъ не рискнули—ни одного выстрѣла не послѣдовало, хотя о нашемъ движеніи было извѣстно. Слухъ о немъ распространился въ Гофцумберге между рабочими очень задолго еще до прибытія туда эскадроновъ. Во всѣхъ имѣніяхъ рабочіе-латыши, во всѣхъ учрежденіяхъ, правительственныхъ и частныхъ, низшія должности обыкновенно занимаютъ они же. Поэтому отъ ихъ вниманія не ускользаетъ ни одно распоряженіе, ни одна канцелярская тайна. Но какъ они умудрялись быстро обо всемъ давать знать? Распоряженіемъ губернатора ѣзда на велосипедахъ была запрещена. Ими для быстрыхъ передвиженій, чему такъ способствуютъ чудныя дороги, широко раньше пользовались агитаторы. Но, несмотря на запрещеніе, революціонеры все-таки и послѣ рисковали ѣздить; ихъ старательно ловили и арестовывали, въ неисполнявшихъ приказаніе остановиться—стрѣляли. Весьма вѣроятно, что и въ данномъ случаѣ какой-нибудь смѣльчакъ, счастливо проскользнувъ мимо поста въ Грингофѣ,—распространилъ извѣстіе о движеніи эскадроновъ. Позднѣе намъ пришлось убѣдиться, что у революціонеровъ развѣдывательная служба поставлена несравненно лучше, чѣмъ у насъ, а равно и сигнализациія. Вожди возстанія позаботились обучить этому „народъ“, широко распространивъ книжонку (приходилось ее видѣть), гдѣ обстоятельно изложены фортификаціонный, развѣдывательный отдѣлы и вообще всѣ способы веденія революціонной войны съ войсками. Этотъ своего рода „уставъ“ заканчивается приказомъ „народу“ хорошо усвоить его содержимое. И, надо полагать, въ ихъ арміи не процвѣтаетъ такая халатность въ этомъ отношеніи, какъ у насъ. Ближайшій примѣръ:

Осенью 1904 г. (во время войны!) послѣдовало приказаніе обучить къ веснѣ унтеръ-офицеровъ, учебную команду и всѣхъ развѣдчиковъ умѣнію на большомъ разстояніи переговариваться съ помощью флаговъ („семафорная азбука“). Знаніе этой сигнализациіи требовалось основательное, отчетливое. Но пришла весна, попробовали сдѣлать испытаніе. Ровно ничего не вышло. Сигнализировать сколько-нибудь сносно не умѣли ни ученики-солдаты, ни учителя-офицеры, ни сами повѣрявшіе „успѣхъ зимнихъ занятій“. И дѣло „такъ и оставили“.

Первый лѣсъ миновали; втянулись, благополучно прошли и второй—большой и густой. Выѣхавъ на поляну, увидѣли, какъ и въ Грингофѣ, догоравшимъ огромный сарай. Было около 3 часовъ ночи. Маршъ былъ оконченъ, мы вѣзжали уже въ самую мызу Гофцумберге. Во дворѣ привязанными къ заборамъ стояли казачьи лошади, сами же казаки, кромѣ наряда, преспокойно спали. Спѣшивъ людей, мы ожидали встрѣтить иную обстановку. Присланной

пѣхоты на выручку все тѣхъ же казаковъ и совсѣмъ не было видно. Призванный къ начальнику отряда также безмятежно спавшій въ „замокѣ“ казачій офицеръ доложилъ, что въ ближайшихъ лѣсахъ шатаются „огромными толпами“ повстанцы, подходятъ къ самой мызѣ, стрѣляютъ, что казаки выдержали съ ними бой, измучены и т. д.; что, наконецъ, лошадей онъ держитъ подъ открытымъ небомъ (хотя есть много прекрасныхъ сараевъ) изъ опасенія поджога.

При первомъ впечатлѣннн мѣстность показалаь до крайности угрюмой: мыза лежитъ въ глубокой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ на нее надвигаются солидныя обрывистыя горы, поросшія лѣсомъ. Только въ одномъ мѣстѣ, на вершинѣ высокаго холма отчетливо вырисовывались эффектно освѣщенныя луной развалины настоящаго древняго замка.

„Позиція для боя“ была не изъ выгодныхъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось ночью, особенно подъ вліяніемъ слышанныхъ ужасовъ, въ которыхъ, впрочемъ, начинало брать сомнѣніе.

И мы, въ свою очередь, боясь поджога, расположили свои эскадроны среди двора бивакомъ. На другой день одинъ изъ нихъ ушелъ въ г. Баускъ, пѣхота и „вырученные“ казаки обратно въ Митаву. Въ мызѣ остался одинъ эскадронъ, чрезъ нѣсколько дней выдѣлившій половину въ м. Добеленъ.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

